

ОБ АРМЯНО-ИНДИЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОССАХ

Е. Г. ХАЧАТУРОВА (Москва)

Армянский язык долгое время ошибочно причислялся к индоиранской группе. Появление в 1875 г. статьи Г. Хюбшмана «О месте армянского языка в кругу индоевропейских языков»¹ утвердило взгляд на армянский язык как на самостоятельную ветвь индоевропейских языков. Оказалось, что им лишь заимствовано множество слов из парфянских и персидских говоров иранской группы. На основе фонетических законов Г. Хюбшман отграничил исконно армянскую лексику от заимствований. Так, он установил, что армянский язык не разделяет тех характерных особенностей иранской звуковой системы, которые отделяют иранский язык от других индогерманских языков:

1. *s в иранском переходит в h, если ему не предшествует или за ним не следует согласный, в армянском s не только переходит в h (hin „старый“ = ав. hana „старый“), но и отпадает: arb < *sarbh- „пить“, evthn, ос. awd < *septm „семь“. Сохранение s в таких словах, как amis, mis, us, объясняется предшествующим *п: amis < *mēns-, mis < *mēmso-, us < *omso-, хотя в авестийском и после *п s* переходит в h.

2. *sv в иранском дает hv, в армянском *sv > kh или v, возможно оба происходят из hv: khoir н. перс. khvahar из svasar „сестра“, veç из *sweks „шесть“.

3. *s после k, g, i, u или ai, au в арийском = sh, а в армянском, где заметны следы произношения s после k, s между гласными переходит в h, откуда — нуль, а не s после u: скр. snuša „сноха“, арм. пи (из *puhos), род. пад. пиоу (из *puhohyo).

4. Иранский склонен смешивать *г и *l, армянский сохранил различие между г и l и т. д.

Одной из основных особенностей индоиранской звуковой системы является отражение и.-е. *a*. Вокализм индоиранских языков отличается от вокализма европейских языков тем, что в них индоиранское *a* «расщепляется» на *a*, *e*, *o*. Армянское *a*, как и в европейских языках, также «расщепляется» на *a*, *e*, *o*².

¹ H. Hübschmann, Über die Stellung des armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. KZ, Bd. 23, 1877.

² «Расщепление» и.-е. *a* допускалось постольку, поскольку, согласно теории родословного древа Шлейхера, арийское состояние считалось более древним и, следовательно, *e* и *o*, обнаруживаемые на месте индоиранского *a*, должны были рассматриваться как результат инновации.

Таким образом, фонетические законы явились основным критерием при анализе древнеармянской лексики. Однако в классической монографии Г. Хюбшмана «Armenische Grammatik»³ не мало слов, происхождение которых не установлено или же вызывает сомнения.

Исследования показали, что большинство иранских слов, вошедших в армянский, относятся к парфянской эпохе. Поэтому изучение парфянских памятников позволяет внести некоторые поправки. Слова, которые Хюбшман относил к исконно армянским, оказываются заимствованными из иранского. К последним Бенвенист относит и армянское *surb* «чистый, святой», соответствующее вед. *śubhra*⁴. Для армянской формы Бенвенист предполагает иранское **subra*, которое сохранилось в армянском как *surb*. Тот факт, что в иранском не находим никаких следов, еще не говорит ни о чем. Действительно, памятники древнеиранской письменности, очень однообразные и малочисленные, могут дать всего лишь 400 слов. Вот почему точно установленные армянские заимствования могут служить источником для восстановления иранского словаря.

Однако в данном случае было бы вернее предположить происхождение армянского *surb* из индоевропейского корня. Большее количество заимствованных из иранских слов относится в армянском к основам на *i*, *i-a*, *surb* же — к основам на *-o*. Основы на *-o* в большинстве случаев восходят к индоевропейским тематическим основам на **-e/*-o*, **-по*, **-то*, **-го* (**-его*, **-ого*) и т. д.⁵. Суффиксом **-го* (**-его*, **-ого*) образовывались в индоевропейском прилагательные:

**k'u-bh-ro-* (где **ku* — корень, **bh* — детерминатив) скр. *subhṛā* — «светлый, чистый», арм. *surb* (с закономерным *bhr > rb*); ср. *nurb* (*i*, *o* основа) из **spobh + *ri-*.

Этот же суффикс образует прилагательные в армянском: *ardar* «правильный, справедливый», род. пад. *ardaroy*; *dalar* «зеленый, молодой», род. пад. *dalaroy*, *erkar* «длинный», род. пад. *erkaroy*; пог «новый», род. пад. *poroy* и т. д., хотя некоторые исследователи предполагают *-ar* — из *arēn*.

Отсюда следует, что армянское *surb* не только не заимствованное из иранского слово, но даже не армяно-индийская изоглосса⁶, как обычно принимают, а старое наследие.

В вышеуказанной статье Бенвениста рассмотрен ряд армянских слов и приведены примеры их употребления для доказательства иранского происхождения этих слов.

³ H. Hubschmann, Armenische Grammatik, I, Die Etymologie, Leipzig, 1897.

⁴ E. Benveniste, Elements parties en armenien, REA, I, 1964, стр. 2.

⁵ Գ. Ր. Զատիկյան, Հին հայերենի տոմասի սրբանքը և նրա ծագումը, Երևան, 1959, стр. 233 и сл.

⁶ G. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, HA, 1958, 11—12, стр. 545 («Армянское *surb* в плане выражения полностью идентично др. индийскому *śubhra-*. Однако различия наблюдаются в семантическом аспекте. Как бы то ни было, данная армяно-индийская изоглосса очень важна»).

Внимание Бенвениста привлекли также те слова, которые издавна известны как иранские заимствования, но значение этих слов настолько эволюционировало, что Бенвенист считает необходимым их исследование.

* * *

В данной работе сделана попытка выяснить, в какой мере лексические соответствия, наблюдаемые в армянском и индийском языках, могут считаться изоглоссами, свидетельствующими о наличии армяно-индийского ареала. Вопросу двусторонних и многосторонних лексических связей армянского языка с различными и.-е. языками посвящен целый ряд работ.

Итогом всех предшествующих исследований явилась монография Г. Зольта «Место армянского языка в кругу индоевропейских языков»⁷. В ней Г. Зольта, впервые в истории компаративистики, делает попытку вычленить групповые изоглоссы, объединяющие армянский язык с языками различных ареалов.

Приводимые Г. Зольта армяно-индийские изоглоссы будут рассмотрены ниже наряду со словами, которые обычно приводятся различными авторами в качестве армяно-индийских изоглосс.

argiv, argvi „орел“ (o — основа) = вед. 𑀧𑁆𑀭𑀸𑀓𑀾 „прямо летящий“ встречается в Риг-Веде как эпитет к syena — имени птицы. Это же слово встречается и в иранском языке в значении «орел»: ав. ərəziŋa. Арм. argiv, несомненно, относится к исконно армянской лексике. Здесь, как и в слове argat', арм. с соответствуют скр. j, ав. z, заимствование исключается, так как армянские слова испытали на себе воздействие передвижения согласных, чего обычно не происходило с иранскими заимствованиями; ср. yaz-em «жертвовать» = ав. yaze «я жертвую», скр. yaj — «жертвоприношение».

Структурно argvi и arcath также соответствуют индоевропейской модели:

arclv < *rg'iruo- образовано индоевропейским суффиксом *-lpa-, этим же суффиксом, должно быть, образованы и все слова на -iv (azniv „знатный человек“, hoviv „пастух“ и т. д.⁸, arcath < *arg'-əto- (*areg'- „сверкать“). Суффиксы *-to- (*-do, *-tho), а иногда и *-eto (*-oto, *-ato) в индоевропейском образовывали как прилагательные, так и существительные. В армянском им соответствуют: t (из *-do), t (из *-to), d (после r и n)⁹.

акан „ров, канава“ находит соответствия лишь в скр. khaп „копать, рыть“ и ав. kaп (Hübсhmann AG I 413). Хюбшман относит это слово к исконно армянской лексике, хотя приводит доводы в пользу

⁷ G. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Wien, 1960.

⁸ H. Pedersen, Armenisch und die Nachbarsprachen, KZ, Bd. 39, 1906, стр. 476.

⁹ Գ. Բ. Ջաճարյան, указ. соч., стр. 235.

возможного происхождения от иранского корня, а именно: если в арм. *акап* = *a* + *капа* — префикс (ср. скр. *akhaṇa-akhaṇika*). Однако в армянском префикс *a* неизвестен, а древнеперсидский префикс *a* представлен лишь в заимствованных словах (ср. *акаһ* „сведущий, знающий“ = перс. *agah*, пехл. *akas* „знающий“ из ав. *kas* скр. *kas'* „наблюдать, замечать“). Бенвенист считает парадоксальным после подобных доводов относить *акап* к списку исконно армянских слов¹⁰. То, что это слово заимствованное, Бенвенист подтверждает еще одним примером: *акапатом* „*propolis*“, что буквально значит „дыра в воске“. Так как *акап* „дыра“, наверно, иранского происхождения и тот „воск“, то ничто не противоречит тому, что здесь мы имеем ср. иранское *акап* — тот.

erg (о — основа) „песня, игра“ = скр. *arḡa* „песня, гимн, луч, певец“, *ṛk* (род *ṛcas*) обычно рассматривается как типичный случай армяно-индийской изоглоссы¹¹. По Порцигу, оно свидетельствует о ближайших армяно-ведических связях и было заимствовано до передвижения согласных и с праарийским вокализмом¹². Р. Ачарян относит его к исконно армянским словам и считает, что соответствие обнаруживается лишь в древнеиндийском¹³. Однако этимологически скр. *arḡaḥ* связывается с др. ирл. *erg* „небо“ (первоначальное значение „блеск, сияние“, в скр. *arḡaḥ* имеет также значение „луч солнца“). „Все употребления исходят из значения „испускающий лучи“. То, что „песне“ было дано такое название, предполагает некоторые своеобразные представления о сущности религиозной поэзии, которые известны нам из Веды“¹⁴. В армянском *erg* так же, как *arev*, *ji* и т. д., подверглось профанации. „В иранском языке рассматриваемые слова как раз отсутствуют — и это не вызывает удивления, поскольку они принадлежали к древнему языку жрецов“¹⁵. Примечательно, что в осетинском мы находим *arḡawun*: *arḡ. ud*, *arḡawun*: *arḡud* „отправлять церковную службу“ (в дигорском также „читать“; *arḡaw* „сказка“), значения которого указывают, что семантика слова не связана только с церковно-христианским его употреблением, что слово унаследовано еще от дохристианских времен, где оно, вероятно, было также связано с культом; исходным значением могло быть: не разговорная, а обрядовая, культовая речь, „рецитация“ (= чтение), ср. гот. *us-sigggwan* „громко читать“. Рассматривая *a* как сращенный преверб, а *ṛgaw* — как закономерное развитие из *graw-*, мы видим в

¹⁰ См. Бенвенист, указ. соч., стр. 35 и сл.

¹¹ См. G. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, «Հայկերի տնօրյա», 1957, № 8—10, стр. 469.

¹² См. В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964, стр. 240.

¹³ См. 2. Ա ճ ա ղ ա ղ, Հայերեն արժատալան բանաստեղծություններ, II, 774.

¹⁴ В. Порциг, указ. соч., стр. 240.

¹⁵ Там же, стр. 239.

последнем разновидность корня *gar-* „кричать, петь“ и пр.¹⁶ Прежде чем прийти к какому-либо выводу, рассмотрим следующее лексическое соответствие, относящееся также к сакральной лексике: арм. *erd-umn* „клятва“; осет. *ard* „клятва“ из и.-е. **ert-* (Hubschmann AG 443). Осет. *ard* восходит к иран. **rta*, *arta*, ав. *aša-* (из *arta* — один из важнейших культовых терминов Авесты, олицетворение „небесного света“, „правды“ и пр.); древнеиндийское *rta* „священный“; сюда же относят арм. *ard-* в *ard-ar* „правдивый“, „справедливый“; арм. *erdumn* „клятва“ ст. слав. *рота* „клятва“. Глагол „присягать, клясться“ выражается в осетинском через *ard* *хегун* буквально: „есть клятву“, что связано с реальными действиями при обряде присяги¹⁷. Ср. аналогичное выражение в арм. *erdumn utel*. Таким образом, с одной стороны, имеем арм. *er-dum-n.* осет. *ard*, иран. **rta*, **arta*, др. инд. *rt-* из и.-е. **ert-u-*, с другой — арм. *erg*, осет. *arg'-* (ос. *g' <* иран. *g <* и.-е. **g*, **gh*)¹⁸, но тем не менее арм. *erg* сводится к заимствованию из древнеиндийского, хотя его вполне можно отнести к исконно армянской лексике, так же как и *ard*.

erkan, *erkani* „жернов“ = др. инд. *gravan* „камень для выдавливания сомы“, др. нрл. *bro*, д. в. н. *quirn* „мельница“, лит. *gīrnos*, др. слав. *zъпу*. Единого мнения относительно происхождения этого слова нет: одни возводят его к *gura-na-*, вернее *gъeru-na* (Мейе MSI 8, 159), другие — к *gъraun* (Педерсен KZ, 39, 353). В первом случае армянский ближе к балто-славянской группе; во втором предполагает армяно-др. инд.-кельт. контакты.

Ачарян¹⁹ возводит к др. инд. *gravan* и так представляет звуковое развитие этого слова: **gurana > *kran > erkan*. Таким образом, мы имеем здесь важную арм.-инд. изоглоссу²⁰.

Др. инд. *gravan* относится к культовым словам, поэтому не случайно его расширение суффиксом *-u-*²¹.

erašt (1 — основа) „засуха, сушь“ — Хюбшман относит это слово к исконно армянским, в то же время сомневаясь, чтобы один и тот же корень **trs-* дал, с одной стороны, *trs- > tars- > traš- > eras-*, с другой — *trs- > tars- > t'aramim* (Hübschmann AG I 442).

Из **trs-* (*te:š-* „засыхать, затыхать“) образовались близкие по значению *tharām*, *tharšam*. В армянском после *r* **s* переходит в *š*, как в индоиранском и балто-славянском, откуда группа *rs*, которая сохраняется или переходит в *r*; ср. *garšim* „питать отвращение“ скр. *hr̥syati* „он бонется“, *morānam* „забывать“ скр. *m̥rsyate* „забывает“²².

¹⁶ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 65.

¹⁷ См. там же, стр. 60, 61.

¹⁸ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 44.

¹⁹ Л. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառեր, II, 835.

²⁰ См. «Հանդես ամսորյա», № 11—12, стр. 582.

²¹ Там же.

²² A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1903, стр. 19.

По значению арм. *erašt* полностью совпадает с ир. **rašt*, не сохранным древними памятниками, но в персидском встречается *gašt* „очень сухое“, а также в значении „сухой земли, земли“; ср. *eraštahawt* „запах земли после дождя“²³, поэтому вполне можно допустить заимствование из иранского

inj (и- основа) „лев“ = скр. *siṇha* „лев“ и *ji* (о- основа) „лошадь“ = скр. *hayāh* „конь“, соответствий в других языках нет, поэтому невозможно возвести к общендоевропейской основе, хотя фонетически *inj* и *i* представляет собой закономерное отражение индоевропейской звуковой системы **gh* = скр. *h*; арм. *j* (*z*), ав. *z*; ср. арм. *han-derj* „одежда, платье“ = скр. *darh* „прикреплять, заделывать“ = ав. *da-rez* „прикреплять, заделывать“ = ос. *dares* „одежда, платье“; арм. *jtern* = скр. *hima*, *hemaṇ* = ав. *zima* „зима“; арм. *barjr* „высокий“ — скр. *brhat* = ав. *bərəzat*.

Армянское *inj*, как считает Порцинг²⁴, не может быть общендоевропейским словом, что объясняется характером обозначаемого им предмета. Но ничто не мешает возводить его ко времени праарийско-праармянского языкового контакта. Зольта, ссылаясь на Шпехта, предполагает заимствование из азиатского языка²⁵.

Армянское *ji* „лошадь“ относится к др. инд. *hayā-* „конь“ — слову, которое встречается только в Веде и носит поэтический характер.

hoviv (i/a основа) „овечий пастух, пастух“ = скр. *avira* — „пастух“, лат. *ovis* „овца“ из **owī-ра* (от **oui* „овца“ + **rā-* „кормить“, „пасти“). Это соответствие Хюбшман находит ненадежным только потому, что компоненты данной лексемы не оставили следов в армянском языке. Так же ненадежна этимология *hawt* (i основа) „стадо, отара“, гр. *πρω* (из **роуи-*), так как *-ti* (из **di*) неясного происхождения (Hübschmann Ag 486). Между тем Меёе приводит ряд слов с суффиксом *-ti*: *aruest* „искусство“ тв. п. *aruestiw*²⁶; *aut'o* „ночевка, ночлег“, тв. п. *aut'iv*; *bard* „куча, грудa“, тв. п. *bardiv*; ср. скр. *bhr̥tiḥ*²⁷.

Что же касается *hoviv*, пишет Меёе, то слово, кажущееся на первый взгляд простым, оказывается древним словосочетанием. Именно так объяснили Мюллер и Бугге²⁸ арм *hoviv* = **owī-ра* и хотя **owī-* не представлено более в армянском и корень **-ра* ненадежен (как считает Хюбшман), эта этимология очень правдоподобна²⁹.

sast (i основа) выговор, упрек. = др. инд. *śasti* „наставляет“, ав. *sasti* „учит“. Хюбшман относит его к исконно армянской лексике, возводя к и.-е. корню **kasti* при др. инд. *śasti-śiṣti*. Оно свидетель-

²³ З. Ա ճ ա շ լ ա շ ի ն, Հ ա լ ի Ր ե ն ա ղ ճ ա լ ա լ ա շ ի ն ր ա լ ա լ ա շ ի ն, II, 767.

²⁴ В. Порцинг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 240.

²⁵ См. «Հանդես անգլիստ», 1958, № 11—12, стр. 532.

²⁶ Меёе, Esquisse d'une grammaire..., стр. 43.

²⁷ Там же, стр. 51.

²⁸ Г. Хюбшман, Über die Stellung..., KZ, Bd. 32, стр. 16.

²⁹ А. Meillet, Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien, 1962, стр. 178.

ствуется о „многозначительных и ясных армяно-индийских связях“³⁰. Бенвенист же относит арм. *sast* к тем заимствованиям из иранского, которые, как исконные, загромаждают индоевропейский лексический пласт армянского языка: *sast* должно быть сопоставлено с ав. *sastar* „тиран“ и с *sasti*, предполагаемое в иранском из вед. *śasti* „выговор“.

sxal „ошибка“ = скр. *skhalati* „спотыкаться“ (Hübschmann AG. 1420)³¹, возможно и лат. *scelus* „преступление“.

И.-е. корень **skhēal* „спотыкаться, ошибаться“.

Одной из отличительных особенностей армянского консонантизма, которую определил Хюбшман, является склонность его к аспирации: *kh*, *th*, *ph*, в то время как из глухих спирантов имеет лишь *x* и арм. *xt* = **kt*. Это соответствие Хюбшман иллюстрирует словами, которые, несомненно, являются заимствованными: *uxt* „обет“, ав. *uxti*, скр. *ukti* „слово, речь“; *duxt* „дочь“, наряду с *dustr*, ир. *duktar* и т. д. Однако *dustr* и *duxt* (в словосложениях) имеют разное происхождение: *dustr* — исконно армянское слово (из **dukhter*, ср. скр. *duhitar*, гот. *dauhtar*) *duxt* — заимствование из иранского. Мейе не возводит армянское *x* к какой-либо индоевропейской фонеме, а предполагает особое происхождение³². Что касается группы *skh*, то переход **skh* (**sk'h*) > *sx* обычно считается свойственным армянскому языку, однако в действительности это предположение вызывает сомнения: подобное допущение не оправдывается фонологически, если иметь в виду переход **sk* (**sk'*) > *ç* (если **sk* > *sk*, то лишь тогда *skh* > *sx*)³³. Переход **skh* (**sk'h*) > *š* Г. Б. Джаукян находит вполне закономерным, констатируя при этом, что не всегда **skh* (**sk'h*) имеет параллели в других индоевропейских языках. Здесь также правомерно объяснение, данное для перехода **k* (**k'*) > *x*, т. е. допущение возможности, во-первых, дополнительной аспирации *k* в этом сочетании на армянской почве, во-вторых, влияния другой среды.

Для установления изоглосс А. Мейе³⁴ были выдвинуты следующие принципы: 1) индоевропейские диалектные изоглоссы устанавливаются на основе явлений, характерных для всей группы языков, а не только для отдельного ее представителя; 2) изоглоссы должны носить такой характер, чтобы можно было отличить их от явлений параллельного, но независимого развития, которые могут быть в каждом языке и могут объясняться тенденциями, свойственными языку вообще; 3) общие изоглоссы должны быть представлены в языках, географически соприкасающихся друг с другом. Это определение изоглосс предполагает соседство языков, заранее известное из какого-то другого источника. Следовательно, данный метод, т. е. определение изоглосс, не может служить для установления того, какие языки некогда были смежными. При этом

³⁰ А. Мейе, Введение..., М., 1938, стр. 116.

³¹ Г. Хюбшман, Über die Stellung..., KZ, Bd. 23, стр. 16.

³² См. А. Мейе, Введение.

³³ См. Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967, стр. 296.

³⁴ См. A. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1922, стр. 1—19.

лексические изоглоссы менее доказательны для установления связей между диалектами, чем фонетические и морфологические. Однако лексические изоглоссы могут и должны быть использованы, но только после соответствующей обработки, а именно: должны быть исключены слова заимствованные, сакральной и поэтической лексики, типологически родственные образования. Следует учесть «возможность исконного наличия лексемы в определенном языке, которая в ходе развития данного языка оказалась утерянной или замененной другими образованиями, что часто может привести к ложным выводам при установлении родственных отношений на основе словарных данных»³⁵. «Следует иметь в виду также спорность или ненадежность этимологий, на основе которых строятся лексические ареальные изоглоссы»³⁶.

Вышеприведенные лексические соответствия, которые являются наиболее часто цитируемыми в трудах компаративистов, представляют собой старое наследие: фонетический и морфологический анализ показал, что *arçiv* и *arçath* есть закономерное отражение индоевропейских корней и суффиксов в армянском; *hoviv* «пастух» соответствует санскритскому *gora* «пастух», впоследствии «государь»³⁷. Но армянский не единственный язык, который обнаруживает такое сходство словообразовательной модели (ср. в др.-сл. *говядо* «стадо быков и коров»; «господь, «господин» — первоначально означали «скотовладелец», — так же, как и «государь» и югославянский титул «господарь»³⁸). Культовая лексика (*erg*, *ji*), такого же рода слово *agev*, восходящее к др. инд. *gavi* «солнце» (при обычном: *sūryaḥ* «солнце») и ряд других слов, относящихся к сакральной или поэтической лексике, связаны с культом солнца: так, Конь является общепризнанным символом Солнца в Риг-Веде.

Возможно, к ним же следует отнести и арм. *erkan* как предмет культа и культового действия, поскольку *erkan* возводится к др. инд. *grāvaṇ* — «камень для выдавливания сомы», а сома — растение, которое «годилося лишь на одно: из него приготовлялся опьяняющий напиток, который приносился на жертвоприношениях, причем он отчасти испивался молящимися, отчасти изливался в пламя на алтаре. Как и огнепоклонство, культ Сомы уносит нас... в так называемый индоиранский период, время до разделения двух арийских народностей, т. е. Сомы, называемый в Иране *Хаома*, играл совершенно ту же роль между последователями Авесты»³⁹. Ссылаясь на исследования Виндишмана, З. А. Рогозина предполагает, что тут мы имеем один из крайне редких пережитков еще более отдаленной эпохи — дораздельной, или, как ее называют, «перво-арийской»⁴⁰, что касается *erast*, *sast*, то они

³⁵ Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, стр. 17—25.

³⁶ Там же.

³⁷ З. А. Рогозина, История Индии времен Риг-Веды, СПб., 1905, стр. 74.

³⁸ Там же.

³⁹ З. А. Рогозина, указ. соч., стр. 184.

⁴⁰ Там же.

заимствованы из парфянского; *sxał* обычно возводят к и.-е. **skhel*, но переход **skh > sx* представлен лишь единичными случаями, а огласовка -а- в армянском слове указывает на его заимствованность⁴¹. Однако *sxał* проник в армянский не из иранского, о чем свидетельствует сохранение группы *sx*, которая должна была быть представлена в иранском как *xš* (откуда арм. *sx* или *ašx*; ср. арм. *ašxarh* „мир, земля, страна“, ав. *xšaθra* „государство, власть“, скр. *kšatra* „господство, власть“). Возможно, происхождение арм. *sxał* аналогично *sxtor/xstor*. Для них следует предположить источник, фонетике которого не свойствен переход **s > s* после **k*.

Таким образом, все вышензложенное позволяет сделать вывод, что лексические соответствия армянского и древнеиндийского языков не являются показателями индоевропейской диалектной области, а свидетельствуют о наличии или индоевропейского лексического пласта в древнеармянском, или о древних связях армянского языка с иранскими.

ՀԱՅ-Հնդկական ԲԱՌԱՅԻՆ ԻԶՈԳԼՈՍՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ե. Գ. ԽԱՉԱՏՈՐՈՎԱ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոգվածում փորձ է արվում պարզել, թե հայերենում և հնդկերենում դիտվող բառային համապատասխանությունները կարող են արդյոք համարվել իզոգլոսներ (զուգաձևություններ), որոնք վկայեն հայ-հնդկական լեզվական արեալի գոյությունը:

Ուսումնասիրողների կողմից որպես հայ-հնդկական իզոգլոսներ ամենից հաճախակի մատնացույց արվող մի շարք բառերի հնչյունաբանական և ձևավորական վերլուծությունը հանգեցնում է այն եզրակացության, որ այդ երկու լեզուների բառային ընդհանրությունները արդյունք չեն հնդեվրոպական բարբառային միասնության շրջանի, այլ վկայում են կամ հին հայերենում համահնդեվրոպական բառային շերտի գոյությունը և կամ հետևանք են իրանական լեզուների հետ հայերենի ունեցած հնադույն կապերի:

⁴¹ См. Г. Б. Дж а у к я н, Очерки..., стр. 216.